

М А Й К О.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Н. БЕКЛЕМИШЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Вахтангъ, князь грузинскій.

Леванъ, другъ его.

Элико.

Иозепъ.

Пасванъ.

Келимъ.

Григорій.

Гекимъ.

Гуго, грузинскій купецъ, женихъ Майко.

Кевела.

Майко, дочь ея.

Марѳа, старуха.

Окружной.

Секретарь.

Чиновникъ.

Адвокатъ.

Мальчикъ.

Бичо.

Судьи, гости Левана, народъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Майко (*одна вяжетъ кошелекъ*).

Что такъ долго не плетъ Гиго? Скоро матушка воротится изъ церкви, а Гиго все нѣтъ, какъ нѣтъ... Я люблю моего Гиго, я только и счастлива, когда онъ со мною, когда гляжу ему въ очи, люблюсь его длинными кудрями... Но онъ такъ рѣдко бываетъ дома; цѣлый день все въ лавкѣ. Ну, если и послѣ свадьбы бы онъ будетъ такъ же оставлять меня одну! Боже мой! при одной этой мысли я готова заплакать! А!... я слышу моего Гиго; спрячу поскорѣ работу, чтобъ онъ не увидалъ: на-дняхъ его рожденіе—и я подарю его этимъ кошелекомъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Гиго, Майко.

гиго (*входя*). Здравствуй, Майко!

майко. Это ты, Гиго? насилу я дождалась тебя, — я проглядѣла всѣ окошки; бывало, утромъ навѣдаешься раза три, а теперь ждешь, ждешь, — и только обѣдъ зазоветъ тебя домой.

гиго. Радъ ли я самъ моимъ заботамъ? весь этотъ хламъ, шелкъ, золото, я охотно отдалъ бы за одинъ взглядъ твой, за одну улыбку.—А гдѣ Кекеда?

майко. Матушка не приходила еще изъ церкви. Гиго, прости меня за несправедливый упрекъ, но я тебя такъ люблю....

гиго, *(взявъ ее за руку)*. А я, Майко, развѣ я тебя не люблю? в могу ли я тебя не любить, Майко? Ты дочь торгаша, того почтеннаго старика, который принималъ меня спротиву къ себѣ въ домъ, заботился обо мнѣ, какъ о родномъ сынѣ, и, умирая, завѣщалъ твоей матери: когда наступитъ твоя шестнадцатая весна выдать тебя замужъ за меня. Последнія слова умирающаго отца твоего были благословеніе на будущій нашъ бракъ, послѣднее движеніе его было—знаменіе креста, которымъ осенилъ онъ насъ.

майко *(бросается въ объятія Гиго)*. О, вѣрю, Гиго, вѣрю!... Я такъ счастлива твоею любовью, что—знаешь ли—мнѣ иногда бываетъ страшно... если ты...—о! мнѣ страшно выговорить — меня разлюбилъ?... Я не снесу твоей холодности, — я сойду съ ума?

гиго. Ради Бога, не говори мнѣ этого, Майко... мнѣ разлюбить тебя, мою радость, мою жизнь, вѣтъ, Майко, скажи лучше, скоро ли ваша свадьба?..

майко. Еще десять разъ взойти этому мѣсяцу на небо, пока я назову тебя моимъ.

гиго. О, какъ еще долго.

майко. Гиго, ты востерпѣливъ, счастье наше такъ близко...

гиго. Знаю, но я желалъ бы ускорить его... и какъ не желать?.. теперь я вѣщу случая, чтобы украдкой поцѣловать тебя *(цѣлуетъ ее)*. Начнемъ ли говорить—присутствіе твоей матери останавливаетъ слова мои; мнѣ хочется, чтобы никто не слышалъ ихъ, кромѣ тебя... А когда ты будешь моею, тогда я могу говорить все, что шептываетъ мнѣ моя любовь, могу цѣловать тебя, лѣзять, потому—что я тогда безраздѣльно твой, а ты безраздѣльно моя.

майко. Да, да! твоя; я горжусь тобою, Гиго; ты такъ хорошь, что всѣ подруги мнѣ завидуютъ; пзъ нихъ любая отдала бы свой лучшій кушакъ за одинъ твой взоръ и, при встрѣчѣ съ тобою, забывъ законы приличія, отбросила бы чадру съ лица.

гиго. Что мнѣ до нихъ! одну тебя я люблю, Майко.

Я В Л Е Н І Е III.

ПРЕЖНИЕ И КЕКЕЛА.

ГИГО. А вотъ и матушка!

КЕКЕЛА. А, вы опять вмѣстѣ и нашептываете другъ другу сладкія рѣчи!

МАЙКО. Онъ только сейчасъ вошелъ.

КЕКЕЛА. Сейчасъ вошелъ! а тебя хотѣлось бы, чтобы Гиго бросилъ свои занятія и сидѣлъ цѣлый день возлѣ тебя?

МАЙКО. На Гиго грѣхъ жаловаться, матушка: цѣлый день онъ въ хлопотахъ и все это для насъ; едва объѣдъ да уживъ вызываютъ его домой, да и то на короткое время.

КЕКЕЛА. Я и не думаю пнять на Гиго: Гиго вполне оправдалъ довѣренность моего старика; онъ такъ почтителевъ ко мнѣ.

МАЙКО. И такъ любитъ меня.

КЕКЕЛА. Дай Богъ вамъ счастья да любви! мнѣ, старухѣ, остается не долго жить на бѣломъ свѣтѣ, — годъ, другой, а тамъ на вѣчное житье—въ могилку.

ГИГО. Полю-те, матушка; вы еще поживете, полюбуетесь на наше житье, мы съ Майко будемъ поконить вашу старость.

КЕКЕЛА. Не мало пожила я на свѣтѣ — и мнѣ не жаль разстаться съ жизнью, потому-что, умирая, возму въ гробъ съ собою увѣренность, что ты, Гиго, составишь счастье моей Майко.

МАЙКО. Перестаньте говорить объ этомъ.

КЕКЕЛА. Да и точно; за чѣмъ передъ радостью пророчить горе? поговоримте о чѣмъ-нибудь другомъ. Ну, Гиго, скажи мнѣ что новаго?

ГИГО. Что новаго? навхали купцы, навезли всякихъ товаровъ, на поля разбиваютъ шатры и налатки и разкладываютъ товары къ завтрашней ярмаркѣ.

КЕКЕЛА. Да, да! я и позабыла, что завтра ярмарка, а подруги твои, Майко, просили меня отпустить тебя съ ними, и я за тебя дала слово. Поѣзжай, повеселься; тамъ будетъ тебѣ весело, а то ты и такъ все сидишь дома; поѣзжай, Майко.

МАЙКО. А ты, Гиго, поѣдешь со мною?

ГИГО. Съ тобою? да развѣ я могу оставить дѣло? Хоть и сладко было бы мнѣ полюбоваться на удовольствіе моей Майко,

да что же скажутъ про меня всѣ знакомые, что скажетъ и матушка, когда я въ день ярмарки пренебрегу выгодами, которыя могу доставить и ей и тебѣ?

майко. Если такъ, Гуго, то и я не поѣду. — Что за веселье безъ тебя? мнѣ будетъ скучно, я лучше останусь дома.

гуго. Нѣтъ, Майко, нѣтъ! я самъ прошу тебя—повъжай; я буду доволенъ мыслию, что моей Майко теперь весело.

майко. О, какъ ты добръ, Гуго! а вы, матушка, вѣдь также поѣдете съ нами?

кекела. Я? нѣтъ, Майко! мнѣ что-то нездоровится, да и куда старухѣ тащиться? Ты поѣдешь съ своими подругами и съ моей старой пріятельницей, Фатьмою; завтра поутру заѣдутъ онѣ за тобою и вы всѣ вмѣстѣ отправитесь на ярмарку. Ну, какъ же ты одвнешься, Майко? тамъ будетъ столько народу, что невѣсть Гуго стыдно было бы быть одвтой хуже другихъ.

майко. Я надѣну голубую кебу, которую подарилъ мнѣ недавно Гуго, серебряный поясъ и бѣлую чадру.

гуго. Постой, Майко, въ числѣ другихъ товаровъ я получилъ такой... да ты сама сейчасъ увидишь... (*хочетъ идти*).

майко. Куда же ты бѣжешь, Гуго?

гуго. На одну минуту—къ себѣ въ лавку; я хочу подарить тебѣ... О! какъ хороша ты будешь, Майко, въ новомъ нарядѣ! (*убѣгаетъ*).

Я В Л Е Н І Е І V.

Прежніе кроль, Гуго.

майко. Знаешь ли, матушка, мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ что-то не хочется на ярмарку; только что вспомню, что завтра вѣхать—сердце замретъ и какъ будто шепчетъ и предостерегаетъ: не ѣзди, Майко, не ѣзди!

кекела. Полно, дитя мое, ты совсѣмъ одичала, сидя все дома, ты ужъ боишься и въ люди показаться. Посмотрѣла бы ты, какъ радостно собираются твои подруги.

майко. Онѣ увѣревы, что имъ будетъ весело.

кекела. И тебѣ будетъ весело!.. да и нельзя скучать на ярмаркѣ; ты ни разу не была, потому и не знаешь. Подумай! на-

роду бездна, всѣ веселы, разодрты, звучитъ чангуръ, льется пѣсня слѣпаго пѣвцуна, а вокругъ, на быстрыхъ коняхъ, весело скачутъ и танцуютъ наездники, помахивая пестрыми значками. — Да накрывай-ка столъ, вѣдь Гюго пошелъ не далеко.

майко. Да, только до лавки....

кекела. Принести тебѣ подарокъ къ празднику; знаю, знаю, что онъ только объ тебѣ думаетъ (*Майко накрываетъ столъ*). Была и я моложе; помню, отецъ твой въ первый разъ увидалъ на ярмаркѣ меня... Да кто это стучится, посмотрика въ окно.

(*Стукъ у двери*).

майко. Это старушка, Марта.

кекела. Что же, отвори ей.

майко. Кчему?.. Послушай, что во всемъ сосѣдствѣ говорятъ про Марту:—она сплетница, любить клеветать и злословить, и какъ, черный воронъ, приноситъ несчастіе своимъ приходомъ.

кекела. Полно, Майко, ты ее не любишь, да и только.

майко. Правду ли говорятъ, что она колдунья — не знаю; только, когда она возьметъ меня за руку, мнѣ становится, какъ-то холодно на серацѣ, а подъдуетъ она меня ледяными, мертвыми губами, то, мнѣ кажется, что холодная змѣя обвилась около меня и впустила свое жало.

кекела. Да нельзя же не пустить сосѣдку, слышишь она стучится? Майко, отвори ей.

Я В Л Е Н І Е V.

Прежнія и Марта.

МАРТА. А, моя ласточка! На свѣту-то откликнулась? (*цѣлуетъ ее*) Да какъ ты похорошѣла, щеки твои распцѣли, какъ розы весною, а глазки, словно звѣзды прелъ разсвѣтомъ, играютъ тихо и сладко, и какъ будто жлуть, что скоро ихъ смѣнятъ другой свѣтъ и блескъ и онъ промѣняютъ свои холодные, серебряные лучи на горячіе, золотые лучи солнца.

майко. Ты вѣчно, Марта, съ заучеными словами: вѣдь ты разговариваешь, а не пѣсню поешь.

МАРТА. А, можетъ быть, Майко, моя пѣсня и тебѣ полю-
бится. Здравствуй, Кекела! и ты что-то непривѣтлива.

КЕКЕЛА. Здравствуй, сосѣдка! привѣды!—Я тебѣ рада.

МАРТА. Рада?—не правда, сосѣдка, ты мнѣ не рада, хотя и
должна бы радоваться. Вѣдь радуется земля, изсушенная
солнцемъ, когда благотворный дождь ее освѣжаетъ; радуется
путникъ, когда, уставши и утомясь отъ зноя, онъ находитъ
тѣнь широкаго дерева и отдыхаетъ подъ нимъ. Что же ты мол-
чишь, Майко?.. ты—благотворный дождь, который освѣжаетъ
воздухъ, въ которомъ живетъ твоя мать, ты—прохладная тѣнь,
подъ которою она успокоится отъ долгаго пути.

МАЙКО. Марта! слышу слова и въчего не понимаю, ты больше
жила и видѣла, матушка понимаешь ли-ты, что она хочетъ сказать?
КЕКЕЛА. Нѣтъ! и я не понимаю.

МАРТА. Ну, такъ послушай же мою басенку: стояла на полѣ
старая орѣшина, безъ воли и холн, всѣмъ заброшенная: и сол-
нце печетъ ее и дождь мочить; и вотъ нечаянно свилъ себѣ на
ней гвѣздо молодой соловей, поетъ онъ въ пустынь, а пѣсня
далеко слышна. Шелъ охотникъ поохотиться, услышалъ пѣсню
соловьиною, подошелъ къ дереву, сталъ слушать и заслушался.

КЕКЕЛА. Хитра рѣчь твоя, Марта,—да конца въ пей не видно.

МАРТА. Э! сосѣдка! рѣка и дальше течетъ, и все ей конецъ
есть; дослушай меня: вотъ охотникъ говорить орѣшинѣ: отпу-
сти свою жилицу на житье-бытье ко мнѣ, — не въ пустынь
звучать ея пѣснямъ, не по сухимъ твоимъ вѣтвямъ порхать ей:
отпусти. Я посажу ее въ золотую клетку, или въ садъ цвѣту-
щій—и всѣ будутъ любоваться птичкой и ея пѣсенками, а те-
бя, старое дерево, успокою на старости, освѣжу и согрѣю лучше
солнышка, полую дождемъ пѣзъ чистаго золота.

МАЙКО. Матушка! не доброе что-то хочетъ сказать она.

КЕКЕЛА. Что ты боишься, Майко? Развѣ ты не знаешь, что
Марта—сказочница, услышала новую сказочку и пришла ею насъ
потѣшить. Что за смыслъ въ старой орѣшинѣ, молодомъ со-
ловьѣ и золотомъ дождикѣ—золотыхъ дождей не бываетъ.

МАРТА. А посмотри, какъ этотъ дождь накрапываетъ. *(вы-
сыпаетъ червоны).*

МАЙКО. Посмотри, матушка... Золото! Что это такое?

КЕКЕЛА. Золото! Что это значитъ, Марта?

МАРТА. Что это значитъ!.. То-то, сосѣдка Кекела, не люби-

ла ты старой Марты; не добро говорила про все, а эта самая Марта приносить тебѣ и богатство и счастье.

КЕКЕЛА. Какое богатство? { *вмѣстѣ.*

МАРТА. Какое счастье?

МАРТА. (*Майко*). Пой, пой, мой соловушка! Скоро запоешь еще звучнѣе, коли мать твоя съ умомъ... А ты, Кекела, достигла до старости, а все безпамятна. Слушай же, я разтолкую тебѣ мою басню: ты—орышпа, у тебя живетъ соловушко—дочь твоя, и услыхалъ и увидалъ ее князь Вахтангъ.

МАЙКО. О, Боже мой! Такъ за тѣмъ-то онъ ходилъ такъ часто около нашего дорбаза я, поровнявшись, смотрѣлъ на меня такими глазами, что мнѣ становилось стыдно и я, краснѣя, спяшила уйти.

МАРТА. А! задумалась, да и есть о чемъ; богатъ, именитъ князь Вахтангъ... сколько у него добра и золота!...

КЕКЕЛА. Что жъ за дѣло?! Его золото—не наше. Марта, я тебя не понимаю! (*Гуго, входя, останавливается въ дверяхъ*).

МАРТА. Захочешь—и оно будетъ твоимъ; полюбились Вахтангу очи твоей Майко, сохнетъ онъ по ней; отпусти ему твою дочь—и онъ осыплетъ васъ золотомъ, и съ той поры пойдетъ вамъ талантъ и счастье.

МАЙКО. Матушка! Развѣ ты не угадываешь, что она хочетъ сказать? Развѣ ты торгуешь мною, продаешь меня? О! пеларомъ говорила я, что это зызя ползетъ на насъ.

МАРТА. Глупенькая! Жаль мнѣ тебя, — ты еще не знаешь цѣны золота, на него можно купить и любовь и счастье и всѣ блага міра. Вахтангъ богатъ, знатенъ, у него ты будешь жить такъ, что княжны будутъ тебѣ завидовать. Разсуди, Майко, какая разница между Вахтангомъ и твоимъ женихомъ? Одинъ,—князь, другой—купецъ; одинъ богатъ, другой бѣденъ! Согласись, Майко, и повѣрь, что тебѣ самой будетъ стыдно, какъ у тебя въ повелѣніи будутъ десятки рабовъ, изъ которыхъ ни одинъ не уступитъ Гуго, котораго отецъ твой Христа ради полналъ на улицѣ.

МАЙКО. Зачѣмъ Гуго здѣсь цѣтъ! онъ заставляетъ бы тебя молчать.

Я В Л Е Н І Е VI.

Прежнія и Гьго.

Гьго. Успокойся, Майко, я здѣсь! А! проклятая, ты не знала, что этотъ бзднякъ—пріемышъ слышалъ твои отвратительныя слова, безчестныя предложенія, что онъ выброситъ тебя за порогъ этого дома, который ты хотѣла занять позоромъ и безчестіемъ! Твой Вахтангъ, говоришь ты, богатъ, могучъ, силенъ, да знаешь ли ты, старая шакалка: ктобы ни былъ тотъ человекъ, который осмѣлится похитить у меня Майко,—я разтерзаю его, размѣчу прахъ его по полю, а кости разбросаю собакамъ; онъ благороденъ, говоришь ты, а цѣною золота хочетъ купить любовь Майко!.. Да развѣ ты не знаешь, старуха, что за эту любовь я готовъ по каплѣ источить всю кровь своего сердца, готовъ загубить свою душу! Неужели, проклятая колдунья, кровь и душа моя дешевле нячтожнаго, грязнаго золота твоего Вахтанга?

Бекела. А я слушала, слушала, и все не понимаю, къ чему клеветитъ она рѣчь свою? Вонъ въ нашего дома! Чтобъ слѣдъ твой заросъ крапивою!

Марта. Какъ? и ты противъ меня?

Гьго. А развѣ ты думала, что мать согласится продать свою дочь? что золото твое ослѣпнтъ ее? ты по себѣ судила, пролажная душа! Вонъ отсюда, или я убью тебя на этомъ же мѣстѣ!..

Майко (*бросается къ Гьго*). Гьго! ради Бога, успокойся.

Марта (*въ дверяхъ*). Да будетъ же проклатіе надъ вашимъ домомъ и надъ всѣми вами, до послѣдняго колына! Я отрясаю съ ногъ моихъ пыль на порогъ вашего дома, и помните, да поростетъ порогъ вашъ крапивою и тершемъ, да исполнятся мое проклатіе, и какъ сокрушительный громъ, пойдетъ изъ рода въ родъ въ вашемъ потомствѣ и будетъ разить васъ! Несчастіе, какъ тѣнь, будетъ слѣдовать за вами шагъ за шагомъ! Пусть земля не дастъ вамъ пріюта и пусть голодные шакалы разроютъ ваши могилы и разнесутъ ваши кости на чужія земли. (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е VII.

Гнго, Кекела и Майко, *(Минутное молчаніе. Гнго ходитъ большими шагами по комнатѣ).*

МАЙКО. Мнѣ страшно, матушка! Не ужели сбудутся предсказанія этой злой вѣщуньи.

КЕКЕЛА. Полно, дѣтя мое; небо не слушаетъ неправедныхъ проклятій.

ГНГО, *(увидѣвъ золото)*. Что это? Золото!.. Плата за безчестіе Майко и за мое несчастіе! *(выбрасываетъ въ окно)*. Возьми свои деньги. Да лягутъ онѣ свинцомъ на твою душу!

МАЙКО. Гнго, успокойся! Развѣ пустыя слова бездушной старухи могутъ поколебать любовь мою къ тебѣ?

ГНГО. Вѣрю, Майко, вѣрю. Я исполнѣ убѣжденъ въ твоей любви, но, согласись, какъ больно и грустно было мнѣ слушать, когда при мнѣ оцѣняли честь твою... Знаешь ли, Майко,—одна мысль, знаю, что не сбыточная, но одна мысль, что ты могла бы измѣнить моей любви и твоимъ клятвамъ можетъ свести меня въ могилу. Я дорожу тобою, дорожу, какъ скупецъ зарытымъ своимъ сокровищемъ! И отнять тебя у меня?

КЕКЕЛА. Перестаньте, дѣтя мои!

ГНГО. Какъ былъ я веселъ за полчаса, съ какою радостію снѣшплъ пораловать новымъ поларкомъ мою Майко, какъ хорошъ мнѣ казался этотъ лечакъ—примѣрь его Майко.

МАЙКО, *(беретъ личакъ неохотно)*. Благодарю, Гнго; онѣ мнѣ не вужень, я не поѣду.

КЕКЕЛА. Полно ребячиться, поѣзжай!

ГНГО. Ты такъ хороша! Этотъ лечакъ такъ пойдетъ къ тебѣ.

КЕКЕЛА. Притомъ же, я дала слово, Фатьмѣ отпустить тебя съ нею на ярмарку, поѣзжай! Разсѣйся, посмотри на людей, покажи себя — пусть добрые люди полюбуются тобою. Вѣдь не всѣ-же Вахтанги.

ГНГО, *(прерывая)*. Матушка! что же, если ей не хочется ѣхать? *(успокоившись)*. Нѣтъ, Майко, поѣзжай! Дай мнѣ слово, что ты поѣдешь, *(беретъ ее за руку)*.

(Слышенъ за дверями голосъ).

ГНГО. А! это голосъ Бячо ..

Я В Л Е Н І Е VІІІ.

Прѣжніе и Бичо.

Гнго. Что тебѣ?

Бичо. Русскому оружнему повадобилсь какіе-то товары; онъ ждетъ тебя у твоей лавки,—ступай скорѣе!

Гнго. Спасибо, Бичо! Бѣги впередъ и скажи, что я сейчасъ булу. (*Бичо уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е ІХ.

Прѣжніе, кромѣ Бичо.

Бекела. А обѣдъ нашъ?

Гнго. Не хочу, матушка!

Бекела. И мнѣ что-то нехочется; сосѣдка наша такъ меня разстроила, надо мнѣ старухѣ отдохнуть. (*уходитъ*)Гнго (*беретъ шляпу*). До свиданія, Майко!Майко (*подходитъ къ Гнго*). Прощай, Гнго!Гнго, (*цѣлуетъ ея*). Прощай, моя радость.

Майко. До вечера.

Я В Л Е Н І Е Х.

Майко (*одна*).

Бѣдный Гнго! какъ онъ встревоженъ! Когда онъ цѣловалъ меня, я замѣтила слезы на его глазахъ. О! зачѣмъ онъ не князь, никто бы не осмѣлился беспокоить его, и на глазахъ его я не видала бы этихъ слезъ. Но отчего же мнѣ такъ скучно? я люблю его, онъ любитъ меня,—а слезы такъ просятся изъ глазъ, и кто-то шепчетъ мнѣ, что онъ скоро польются широкимъ ручьемъ.

Я В Л Е Н І Е ХІ.

Майко, Вахтангъ.

Майко (*вскрикиваетъ*).

Вахтангъ. Не бойся, Майко! не дрожи всѣмъ тѣломъ! я не съѣлаю тебѣ зла,—блянусь, не съѣлаю.

майко. Вахтангъ! ты видишь, я одна, ты знаешь ваша приличія, прошу тебя уйти!

вахтангъ. Знаю, Майко, но я долженъ говорить съ тобою наединѣ; знаю, но бываютъ случаи, гдѣ человекъ разрываетъ всѣ оковы приличія, воплещъ любви далеко мечеть свою лаву за предѣлы народныхъ обычаевъ и законовъ и пенелптъ ихъ при первомъ сопротивленіи.

майко. Умоляю тебя, Вахтангъ, уйди отсюда.

вахтангъ. Непрерывай меня, ради Бога! дай высказать мнѣ все, что у меня на душѣ.— Вотъ скоро годъ, какъ ни одинъ часъ, ни одна минута не проходятъ у меня безъ думы объ тебѣ. Первый разъ я увидѣлъ тебя въ толпѣ другихъ красавицъ на крышѣ сакли, въ гостяхъ у Геравана..... увидѣлъ тебя—и полюбилъ навѣки. Здѣсь есть судьба — такъ Богъ велѣлъ! Иду ли ночью—и твой образъ, твоя тѣнь бѣжитъ передо мною, блестя въ свѣтѣ фонаря, который несетъ и колеблетъ мой Бичо въ рукахъ своихъ; рыщу я по полю съ винтовкой за плечами — рѣетъ ласточка, воркуетъ голубка, прицѣливаюсь, — не бей! кто-то шепчетъ мнѣ, онѣ походятъ на Майко, на бользнь твою. Съ друзьями, пріятелями, я не прежній Вахтангъ!.. тоска о тебѣ горчитъ братскую азарпешу. Майко! люблю тебя болѣе, чѣмъ солнце любить землю, болѣе, чѣмъ Адамъ любилъ Еву въ раю! Если бы ты была продажная красавица—какая—нибудь княжна тифлисская, для которой золото и тюмены — все! я бы на вѣкъ пошелъ къ шатану, забралъ бы его сокровища и отдалъ бы ихъ за одинъ мигъ блаженства съ тобою.

майко. А червонцы, которые ты прислалъ съ Мартою? ты думалъ купить меня?

вахтангъ. Не тебя, твою мать.

майко. А развѣ мать моя торгуетъ мною?

вахтангъ. Она—армянка!

майко. Но что тебѣ во мнѣ, если бы она и согласилась? я не люблю тебя...

вахтангъ. Майко! сжался надо мною, полюби меня!

майко. Я полюбила Гуго прежде.

вахтангъ. Я отдамъ тебѣ жизнь мою, душу, санъ, помѣстье, все, все... полюби меня!

майко. Я люблю Гуго!

ВАХТАНГЪ. Гиго!.. такъ бойся же меня!.. ты будешь моею!—
(быстро уходитъ)

МАЙКО (одна). Великій Боже! что со мною? голова горитъ,
сердце разрывается на части, мнѣ страшно. — Гиго!.. Гиго!..
женухъ!.. спаси меня, спаси! — (быстро уходитъ)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Леванъ, Іозефъ, Элико, мальчикъ и другіе гости.

элико. Что это, какъ долго заставляютъ дожидаться... товарищи!

іозефъ. Правда, насъ нѣтъ я шести человекъ, да теперь впрочемъ всѣ скоро придутъ.

элико. Конечно! — солнце уже спустилось и уходитъ въ землю, какъ будто завидуетъ нашей пирушкѣ, и не хочетъ отъ зависти смотреть на насъ; тыни отъ деревьевъ длиннѣе и длиннѣе ложатся по полю; мѣсяцъ выглядываетъ, а они все мѣшкуютъ.

іозефъ. Придутъ, положи, что—нибудь задержало.

леванъ. Задержало? да что же можетъ задержать, когда назначена братская пирушка, — когда уже разостланы ковры, когда чаши просятъ вина, когда вино просится въ горло, а товарищи ждутся.

іозефъ. Славно! славно! видно что, Леванъ старій гуляка! ты вѣрно бы не заставилъ дожидаться.

леванъ. Я? да если бы ангелъ смерти, Азраилъ, прилетѣлъ въ это время вынуть душу и въ золотомъ сосудѣ унести ее на тринадцатое небо, то я выпросилъ бы у него сроку — отпировать въ послѣдній разъ и веселье было бы душѣ, когда бы она предстала предъ Аллаха, сытая и разуманная кохетинскимъ.

элико. Видно, Леванъ, что ты пожилъ съ персами и научался ихъ стихотворцевъ.

Я В Л Е Н І Е II.

ТѢЖЕ.—Пасванъ и Келимъ.

Пасванъ. Правда! правда! здорово товарищи!

Келимъ. А, вѣрно, князь Леванъ красныя словца отпускаетъ?

Леванъ. Разсудя ты насъ, Келимъ, я сейчасъ говорилъ, что Аллахъ гораздо благосклоннѣе принимаетъ души, которыя являются предъ рубиновый престолъ его прямо съ пирушки, веселыя и разурмяненныя виномъ, и гораздо строже къ тѣмъ, которыя приходятъ худыя и блѣдныя, какъ будто-бы только вырвались изъ плѣна отъ лезгинцевъ.

Эликъ. Врядъ ли, вѣдь Аллахъ чрезъ Магомета запретилъ имъ пить вино.

Леванъ. Запретилъ имъ пить въ всѣхъ, а въихомолку позволялъ.

Я В Л Е Н І Е III.

ТѢЖЕ и князь Григорій.

Леванъ. Стыдно, что приходишь такъ поздно.

Григорій. Да вельза было прийти раньше.

Эликъ. Прозакладую кинжалъ свой, что онъ гдѣ-впудъ подмѣтилъ красавицу и расхаживалъ мимо ея оконъ.

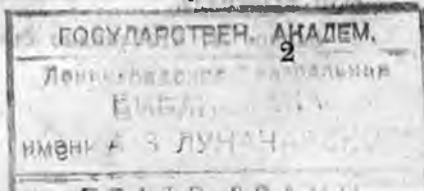
Григорій. Ты угадалъ, Эликъ.

Леванъ. Добрый мой другъ, князь Григорій! Я сейчасъ говорилъ, еслибъ я умиралъ передъ дружеской пирушкой, то выпросилъ бы сроку — пришелъ на пирушку, и лучше бы заставилъ дожидаться гурій, нежели друзей.

Григорій. Не сердись же, Леванъ, вѣдь не вся такіе, какъ ты: для тебя пріятнѣе посмотреть на блюдо пилава, нежели заглянуть въ очи красавицы, а добрая азарпша вина тебѣ слаще, нежели поцѣлуй коралловыхъ устъ.

Эликъ. Хорошо это все, Григорій, да оставимъ въ сторону небесныя очи, коралловыя уста. Смотрите, друзья, вотъ ужъ и звездочка сверкнула на небѣ, вотъ и другая, вотъ и мѣсяцъ вышелъ полюбоваться на насъ; мы, кажется, собрались: пора быть дѣлу!

Т. III. Отд. I. Кв. III.

всѣ. Пора! пора! *(садятся на ковры—приносятъ вино—пьютъ.)*
 Юзефъ. А что же мы не выберемъ себѣ начальника на попойку!

Элько. Въ-самомъ-дѣлѣ, выберемъ тулумбаша!

Пасванъ. Кого же?

Элько. Князя Григорія!

Юзефъ. Напьется прежде всѣхъ, — жди тутъ порядка!

Элько. Ну, такъ тебя Юзефъ.

Леванъ. Надуетъ, другихъ подбивать мастеръ, а самъ выпиваетъ вино за рукавъ.

Элько. Да кого же лучше, какъ не самого Левана! молодецъ! опытной тулумбашъ; повеселятъ, другихъ напоитъ и самъ напьется!

всѣ. Левана! Левана! здоровье тулумбаша! да здравствуетъ нашъ тулумбашъ! честь и слава Левану. *(пьютъ).*

Леванъ. *(поднимая стаканъ).* Благодарю всѣхъ васъ, Аллахи — верды!

всѣ. Якши — Юль!

(За сценою слышенъ шумъ.)

Леванъ. А! это голосъ Гехима!

Я В Л Е Н И Е V.

Прежніе — и Гехимъ.

Леванъ. Здравствуй, Гехимъ!

Гехимъ. Здорово, пирующие братья! я проходилъ мимо винограднака, услышалъ возгласъ «Аллахъ—верды!» и смеянуль, что здѣсь попойка.

Леванъ. Не ошибся!.. ты откуда?.. съ охоты?

Гехимъ. Что бы ее шайтаны нобрали и съ тѣмъ, кто первый выдумалъ.

Элько. А, что? видно была несчастлива?

ГЕХИМЪ. Несчастлива! да смѣетъ ли она быть несчастлива, когда Гехимъ охотится? Гей, Бичо! втащить сюда тура. (Люди вносятъ дикаго барана.)

ЛЕВАНЪ. Славная добыча!

ГЕХИМЪ. Не правда ли? этотъ убитый баранъ очень кстатп? Леванъ! разпорядись — ка, вели изжарить пашлыкк изъ славной добычи. (Леванъ отдаетъ приказаніе)

ЭЛКО. Гехимъ! что-жь не ѣшь? вѣдь, я думаю, ты усталъ, гопявшись за этимъ бараномъ?

ГЕХИМЪ (пьетъ). Добрый стаканъ вина теперь славное дѣло! Еще вчера на зарѣ, спустившись съ вершины, подмѣтили мы дружка съ мовиъ Михалко, любовались имъ, какъ перепрыгивалъ съ утеса на утесъ, съ площадки на площадку — п лакомился травкой; Михалко подобрался ближе, вспугнулъ звѣря — только п видѣли его: какъ свинцовая пуля, звякнулъ онъ рогами о гранитный уступъ и скрылся по излучистой тропинкѣ, въ кустарникъ, у подошвы горы; намъ того п налобно было! Я съѣлъ на замѣченный слѣдъ, изготовилъ винтовку, а Михалко спустился внизъ, чтобы отыскать его п снова спугнуть, жлу часть, два, три — ни слуху ни духу; вдругъ выстрѣлъ.... а, пріятель, просимъ пожаловать... гляжу, — баранья голова прямо скачетъ на меня... прицѣливаюсь... бацъ! и какъ вилите...

ЛЕВАНЪ. Спасибо, Гехимъ за барана! ней же вино, догоний насъ.

ГЕХИМЪ (пьетъ). Неотстану, будь спокоенъ!

ЮЗЕВЪ. Да гдѣ же Вахтангъ?

ГЕХИМЪ. Въ-самомъ-дѣль, гдѣ Вахтангъ? Леванъ! гдѣ ж твой молочный братъ?

ЛЕВАНЪ. Не знаю. Онъ хотѣлъ быть.

ЭЛКО. Вотъ вздумали спрашивать! да развѣ вы не знаете, что Вахтангъ помѣшался отъ любви къ своей Майко!

ГРИГОРІЙ. Какъ, помѣшался?

ЮЗЕВЪ. Какой Майко?

(вмѣстѣ.)

ЭЛКО. Постойте, постойте! вы спрашиваете оба вдругъ; разомъ двухъ стрѣлъ съ тетивы не пускаютъ. Я вамъ отвѣчу по очереди: тебѣ, князь Григорій, скажу, что если Вахтангъ еще не помѣшался, такъ есть надежда, что скоро помѣшается; видишь ли, приглянулась ему красавица...

ЛЕВАНЪ. Не правда, Элко! не приглянулась она ему, а лю-

бить овь ее, какъ мѣсяцъ любитъ свое звѣздное небо, какъ газель, которая привѣтливо выбѣгаетъ изъ расщѣпы скалы, любитъ мягкую траву.

эликко. Полно, Леванъ! развѣ не все равно, приглянулась она ему, или онъ ее полюбилъ? дѣло въ томъ, что съ-тѣхъ-поръ Вахтангъ сталъ совсѣмъ не тотъ. Бывало, кто первый гость на всякомъ праздникѣ? Вахтангъ!.. Кто первый гуляка, первый говорунъ и весельчакъ?.. Вахтангъ! А теперь... ходитъ одинъ, скучный, словно солнце въ туманное утро. На пирушкѣ молчитъ, не пьетъ, не шумитъ, а нахмуривъ брови, смотритъ въ азарпешу, какъ будто она зеркало, въ которомъ видѣются косы и розовыя губки его Майко.

мальчикъ, *(по приказанію Левана кричитъ)*. Тулумбашу угодно, чтобы всѣ выпили за здоровье другъ друга.

всѣ. Аллахъ — верды, якши — юль!

юзефъ. Да кто же эта Майко?

эликко. Неужели ты не знаешь Майко, хорошенькой Майко, пѣвсты Гинго, у котораго мы покупаемъ всѣ нужные товары.

пасванъ. А, да вотъ идетъ и Вахтангъ; какъ онъ мраченъ.

Я В Л Е Л І Е І V.

Прежніе и Вахтангъ..

эликко. Хорошая азарпеша вѣна сейчасъ развеселитъ его. — Здравствуй, Вахтангъ! мы сейчасъ про тебя говорили, на тебя пѣняли.

вахтангъ. За что?

леванъ. За то, что ты приходишь въ половинѣ пирушки, когда мы уже на полъ-пути къ блаженному состоянію, называемому опьяненіемъ.

юзефъ. *(пьянъ)* Тѣмъ хуже для него; онъ долженъ догонять насъ, долженъ бѣгомъ пробѣжать половину дороги, которую мы шли тихонько... Скорѣй устанетъ.

леванъ. Вѣна! *(наливаетъ ему)*.

Иозевъ. Нѣтъ, не такъ! Мальчикъ! сочти, по сколько каждый пѣзъ насъ выпилъ и подай столько же Вахтангу! Ну! Аллахъ-верды! Вахтангъ! пей—ка все это!

вахтангъ. Оставь меня, Иозевъ!

Иозевъ. Нѣтъ! нѣтъ! а, ты думаешь остаться трезвымъ, когда мы хотимъ быть пьяными? Безъ отговорокъ, Вахтангъ, пей!

вахтангъ. Ты п теперь уже пьянъ, Иозевъ; оставь меня, если не хочешь видѣть ссоры на вашемъ праздникъ.

Элико. Вотъ ужъ и сердится, Вахтангъ! послушай дружескаго совѣта..

Леванъ. Правда, Вахтангъ! — Сохнетъ безъ прѣвѣта дерево твоего сердца; полей азарпешей вина корни, которые оно такъ глубоко пустило въ твое сердце, — полей ихъ и увидишь какъ вѣтви распустанся и зазеленѣютъ надеждой.

вахтангъ. Спасибо, Леванъ, за ученіе; да плохо върится словамъ твоимъ! — Днемъ не бываетъ звѣзлъ на небѣ, не свѣтитъ солнце по полувочи.—Нѣтъ! не раздвѣтеть пальма надежды въ знойной пустынѣ моего сердца. Возьми назидъ твою азарпешу!

Леванъ. А посмотри, какъ глубока она! брось въ нее свою тоску—и она потонетъ, какъ камень въ морѣ.

вахтангъ. Нѣтъ, Леванъ! она не потонетъ, а если и потонетъ, то на минуту, и тотчасъ же, какъ трутъ, выплыветъ на поверхность!

Элико. Полно кручиниться, Вахтангъ! будто мы не знаемъ, что за лума залегла у тебя на сердце? И что же ты печалишься в хмуришься, словно змѣнее небо, и възъ чего? пѣзъ любви!

вахтангъ. Элико! говори про плавъ, про вино, да про пѣсни,—не оскверняй имени любви и не примѣняй ее къ чувству, которое ты испытываешь, побрякывая червонцами и глядя на баядерку, которая пость и пляшетъ передъ тобою!

Элико. Не сердись, Вахтангъ, а подумай, стоятъ ли какія-нибудь дивныя очн, чтобы сходить во пимъ съ ума! Въль это ребячество. — Майко хороша, конечно, но я дамъ тебѣ совѣтъ...

вахтангъ. Я также дамъ тебѣ совѣтъ, Элико: негодится бросать амена женскія на-вѣтеръ, какъ ачменныя зерна. —

Статся можетъ, что которое нибудь изъ нихъ упадетъ на сердце и разрастется ненавистью, — кровавымъ мщеніемъ — поймаешь меня, — такъ замолчи же!

Элико. Нѣтъ! я хочу вылечить тебя, Вахтангъ! К чему служить твоя любовь? Майко невѣста другаго, къ тому же она тебя не любитъ.

Вахтангъ. Элико! опасно дразнить льва въ его пещерѣ!

Элико. Говорятъ, что она безъ памяти любитъ своего жениха, не взглядытъ на него не дождется свадьбы.

Вахтангъ (*поднимается*). Замолчи, Элико! или поутру твоя мать осветѣетъ, и вмѣсто краснаго кахоса, который журчитъ въ твоемъ стаканѣ, я напояю его до краевъ кипяткомъ изъ твоего сердца!

Леванъ. Стойте! слушайте тулумбаша!

Вахтангъ. (*Элико*) Знаешь ли ты...

Леванъ. Повторяю вамъ: слушаться тулумбаша! Развѣ вы забыли наше обыкновение, которому не пзмѣнялъ еще ни одинъ грузинецъ? На нынѣшній вечеръ — а вашъ царь. (*Зоветъ мальчика и шепчетъ ему на ухо.*)

Мальчикъ. (*проводитъ*) Тулумбашъ приказываетъ бросить стаканы и пить изъ турьихъ роговъ! (*Люди приносятъ рога, въ серебряныхъ оправкахъ, наполненные виномъ.*)

Леванъ. Я пью за здоровье всѣхъ гостей и пріятелей и буду тотъ шайтаномъ на пирушкѣ, кто не послѣдуетъ моему примѣру и не выпьетъ — столько же и такъ же.

Гехимъ. Что Элико задумался?... Струсилъ?

Элико. Да есть отъ чего струсить, вѣдь въ рогъ — то входитъ двѣ бутылки вина.

Гехимъ. А ты и безъ того на полпути къ опьяненію! да вотъ посмотри, Иозена хмель разобралъ совсѣмъ! онъ лежитъ безъ чувствъ.

Элико, (*вставал*). Приказаніе тулумбаша должно быть свято, и потому мы выпиваемъ эти рога и просимъ покорно, чтобы болѣе пить намъ не приказывалъ.

Гехимъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, надо сжалиться надъ нами, едва-ли половина изъ насъ добредетъ порядкомъ до дому, а съ Леваномъ въ пять върядъ ли кто можетъ тягаться.

Леванъ. И такъ, нынѣшняя пирушка кончилась, и я слагаю съ себя званіе вашего начальника, вашего тулумбаша.

нѣкоторые. Не надолго, до первой пирушки, а мы, кажется, перьяко приручить!

(Въ продолженіе этого разговора, пирующие расходятся; на сценѣ остаются Леванъ, Вахтангъ, и нѣсколько сплщихъ).

Я В Л Е Н І Е VI

Леванъ, Вахтангъ.

Леванъ. Какъ странно, я думаю, тебѣ, Вахтангъ, смотрѣть на эту толпу бѣснующихся нявницъ и не принимать участія въ ихъ пированіи.

Вахтангъ. Леванъ! у меня въ душѣ не тише, не спокойнѣе, они пьютъ безуміе въ винѣ, а я всасываю его въ новомъ для меня чувствѣ, которое не знаю, какъ назвать тебѣ.

Леванъ *(поднимаетъ чашу съ виномъ)*. Назови, какъ хочешь, но пей! Выпей, Вахтангъ, и душа успокоится. *(Вахтангъ съ неохотою пьетъ)* Ты пьешь не охотно, а давно ли не отставалъ отъ меня?

Вахтангъ. Давно ли? — Но всему ссть время, не рошчетъ же Кура, скованная змѣнпмъ холодомъ; не бѣжитъ же Терекъ, когда обвалъ сорвется, съ горъ и перегородитъ ему путь.

Леванъ. Продолжай, Вахтангъ, говори откровенно, мы теперь одни, видишь — всѣ разбрелись, а эта засыпаютъ и насъ не слышатъ! — говори!

Вахтангъ. Что же говорить тебѣ?—Любовь къ Майко, словно горный обвалъ, съ шумомъ и грохотомъ, упала на мою душу и перегородила ея прежній путь, и она не въ силахъ пробить этой плотяны, волнуясь и пѣваясь, потекла въ другую сторону; ты знаешь, что я люблю Майко, но не знаешь, какъ я люблю ее!

Леванъ. Такъ что же?.. подюбилась голубушка—такъ въ когти! не ужели робѣть соколу?.. да и добро бы княжна, а то..

Вахтангъ. Не договаривай! она лучше всѣхъ княженъ въ свѣтъ.

ЛЕВАНЪ. Смири се.

ВАХТАНГЪ. Смири? — Давно ли ангеловъ стали сманивать съ неба?

ЛЕВАНЪ. Купи!

ВАХТАНГЪ. Купи! — Еслибъ весь мiръ обратить въ груды золота, то и тогда плата еще будетъ мала и тогда не купить.

ЛЕВАНЪ. И ты неупотреблялъ никакихъ средствъ?

ВАХТАНГЪ. Я хотѣлъ подкупить ея мать чрезъ старуху Марту, она—армянка, думалъ я, бѣдна, любитъ золото—и то не удалось.

ЛЕВАНЪ. Чтожъ, украдь, увези, вотъ тебѣ рука моя — помогу во всемъ.

ВАХТАНГЪ. Принимаю, Леванъ, твое обѣщаніе, принимаю его, потому—что увѣренъ въ тебѣ и потому что это—единственное средство.—Слушай! я былъ у нея, я видѣлъ ее, я говорилъ ей про мою любовь.

ЛЕВАНЪ. Что же она тебѣ отвѣчала?

ВАХТАНГЪ. Кровь стынетъ въ жилахъ: Леванъ, она призналась, что не можетъ любить меня, — что она любитъ Гигио... Да развѣ онъ—избранникъ неба? развѣ онъ родился подъ благодатною звѣздою, что безъ слезъ, безъ страданій, безъ мученій можетъ овладѣть божествомъ, по которому я страдаю, плачу, мучусь, за которое готовъ принести судьбу дорогой выкупъ? О! если такъ, пусть же и онъ почувствуетъ, что я чувствую; пусть этотъ адъ, который бунтуетъ у меня въ душѣ перейдетъ и въ его душу! Леванъ, я далъ клятву, что Майко будетъ моею, а Вахтангъ умѣетъ сдерживать свои клятвы и рано ли, поздно ли... (*входитъ Марта*).

ДВѢНІЕ VII.

Презніе II Марта.

МАРТА. Да будетъ мнѣ и радость надъ тобою, князь Вахтангъ! Я искала тебя.

ВАХТАНГЪ. К чему искать, когда ты не можешь помочь мнѣ; к чему желать мира и радости, когда ты ихъ съ собою непривносишь.

МАРТА. Кто знаетъ, князь, можетъ быть, я и несу ихъ съ собою.

ВАХТАНГЪ. Говори, говори, скорѣе, Марта! что такое? Можетъ быть, мать Майко одумалась и прельстилась золотомъ? Можетъ быть, сама Майко тронулась моею любовью?

МАРТА. Нѣтъ, князь, нѣтъ! и мать не ослѣпилась твоимъ золотомъ, — и сама она попрежнему отвергаетъ и ненавидитъ тебя.

ВАХТАНГЪ. Такъ ты пришла смѣяться надо мною, старая колдунья! прочь!

МАРТА. Полно, полно, князь, ты не сердись, а выслушай меня.—Долго гонялся охотникъ за газелью—и газель все ускользала отъ него,—вотъ и говоритъ ему добрый человекъ.. не полюбнись ты взойти на дорогу, гдѣ теперь заснула газель твоя, и ей не миновать твоихъ рукъ.

ЛЕВАНЪ. Говори яснѣе, старуха!

МАРТА. Слушай, князь: ты предлагалъ Майко любовь и душу, она отвергла и то и другое; ты страдалъ овладѣть ею, клялся, что она будетъ твоя, и она съ женихомъ своимъ посмѣялась твоимъ угрозамъ и клятвамъ.

ВАХТАНГЪ. О! клялся—и сдержу свою клятву.

МАРТА. Вотъ я и пришла къ тебѣ, князь, предложить средство.

ВАХТАНГЪ. Говори, какое? Клянусь могилкою отца и душею матери, что никакое препятствіе меня не остановитъ!... ни горы, ни моря, ни пропасти, ни страхъ казни, ни погребель, ни агъ, ни небо! Говори?

МАРТА. Все это гораздо легче, князь! Майко съ подругами ѣдетъ на ярмарку и теперь недалеко отсюда; съ ними только двое безоружныхъ погонщиковъ, стоятъ тебѣ, какъ горному орлу, влетѣть на нихъ и—голубка твоя!

ВАХТАНГЪ. Правда, правда; спасибо, Марта! Вотъ тебѣ золото. — А, Майко! Было время, что за одну твою привѣтливую улыбку я отказался бы отъ лучей солнца, за одинъ вздохъ изъ твоей груди я отдалъ бы все свое дыханіе; за одинъ поцѣлуй позволилъ бы тысячу разъ разить себя кнжалою въ одну и

ту же рану; но ты оттолкнула меня!—Хорошо... Такъ ты будешь же моею, хоть бы это стоило мнѣ цѣпой, тюрмы или колоды, которыя надѣвають на преступника. Леванъ, помнишь ли свое слово быть моимъ участникомъ во всемъ, что-бы я не задумала; жми крѣпче руку, жми, вѣдь ты не откажешься.

Леванъ. Вотъ рука моя... я отъ тебя не отстану.

Вахангъ. Увеземъ Майко! Эй, люди!.. Консьй, *(убѣгаетъ)*.

Я В Л Е Н І Е VIII.

М а р т а *(одна)*.

А! Гнго! а, Кеке! я змѣя!... я старая шакалка... я колдунья!... Хорошо! вотъ и подарочекъ жениху съ невѣстою! вотъ и плата вамъ за хлѣбъ-соль, которыми меня угостили!.. Повеселитесь же теперь, да посмѣйтесь надъ старою Мартою.

ПЕРЕВѢА ДИКОРАЦІИ.

Театръ представляетъ внутренность жилища вахтангова; нѣсколько минутъ сцена пуста, — наконецъ, Вахтангъ вноситъ безчувственную Майко и кладетъ ее на скамью.

Я В Л Е Н І Е I.

вахтангъ. А, наконецъ, ты моя! — моя Майко! въ моей власти—теперь ничто не вырветъ тебя у меня! Она въ обморокъ.

(Смотритъ на нее). Проснись Майко! — Не отвѣчаетъ, — лежитъ какъ мертвая. — *(Становится подлѣ нея на колына и беретъ ее за руку.)* Она не слышитъ, только вѣтеръ воетъ въ отвѣтъ на мои вопли и моленія. — У.. какъ онъ страшно воетъ! точно похоронный напѣвъ надъ вырытою могиллой. — Какъ все вокругъ меня темнѣетъ... вотъ влутъ съ сѣвера громады тучъ... будто несутъ гибель и разрушеніе міру!.. Слышишь ли, Майко, — міръ кончается, простись, чтобъ я успѣлъ хоть одиѣвъ разъ поцѣловать тебя! *(бросается къ ней).* Открой свои глаза, чтобъ предо мной открылось небо!—О! проснись, Майко, проснись! *(Майко вздыхаетъ)* Она вздохнула!.. она жива! О! благодарю Бога!.. Да, если бы я нашелъ ее мертвою, въ гробѣ и въ саванѣ, то и тогда огонь, который у меня въ сердцѣ, растопилъ бы ледяныя оковы смерти, душа моя разбудила бы ея заснувшую душу и мое горячее дыханіе ввлю-бы въ ея грудь всѣ страсти, всѣ помыслы бытія! *(цѣлуетъ ее.— Майко приходитъ въ себя. Вахтангъ отскакиваетъ.)*

— майко. Гдѣ я? что со мною было? Ахъ, какъ ужасенъ сонъ.

вахтангъ. Майко!

майко. Мнѣ свилось, что я ѣздила на ярмарку; подружки мои были веселы,—спрашивали скоро ли будетъ моя свадьба, какъ вдругъ какой-то всадникъ, весь закутанный въ бурку, схватилъ меня, помчался, духъ замеръ... О! какой ужасный сонъ!

вахтангъ. Это не сонъ, Майко! Всадникъ, закутанный въ бурку, который схватилъ тебя и помчалъ — былъ я; ты думаешь, что, полюбивъ тебя однажды, какъ полюбилъ я, можно разлюбить такъ скоро? Ты ошиблась, Майко! ты у меня, ты моя! *(бровается къ ней. Майко вздрагиваетъ и бѣжитъ на аван-сцену.)*

майко. Такъ это не сонъ... это ты, Вахтангъ? О! зачѣмъ я не заснула сномъ непробуднымъ, сномъ смерти!..

вахтангъ. Безпробуднымъ? О, я разбудилъ бы тебя, Майко, горячимъ поцѣлуемъ, какъ насъ разбудитъ труба страшнаго суда; сномъ смертнымъ, говоришь ты? Нѣтъ! я вырвалъ бы тебя у самой смерти!

майко. Мать моя! гдѣ ты? помоги мнѣ! освободи меня! Боже мой! что со мною будетъ? Гуго! Гуго! за чѣмъ я здѣсь!

вахтангъ. Зачѣмъ? Загѣмъ, что я люблю тебя, что любовь моя не ручеекъ, который тихо и ровно катится по лугу; но водопадъ, который съ шумомъ и громомъ летитъ въ бездну, опрокидываетъ и разрушаетъ все препятствія, срываетъ горы съ мѣста и уноситъ съ собою все, что захотѣло бы стать на его пути.

майко. Вахтангъ! небо потребуетъ у тебя отчета!

вахтангъ. Я пойду на битву съ небомъ и землею. Можетъ быть, палу въ этой битвѣ, но прежде—ты будешь моею.

майко. Твоею! защитите меня, силы небесныя!

вахтангъ. Ничто не защититъ тебя! ты у того самого Вахтанга, котораго, еще недавно, такъ холодно, такъ безжалостно оттолкнула съ его любовью, просьбами, обѣщаніями. Майко! помнишь ли слово, которое вырвалось у меня на прощанья съ тобою. Я говорилъ, ты будешь моею—и сдержалъ слово: теперь ты моя!

майко. Чего ты хочешь отъ меня? Я не могу любить тебя, я люблю другаго, я люблю Гуго!

вахтангъ. О! Если такъ, то слушай же меня: не любить хочу я, — эту розу я разтопталъ въ цвѣтникъ моего сердца.—

Теперь я требую рабской покорности и слепого повиновения моей воле. Слышишь ли, Майко!

майко. Ты забываешь, Вахтангъ, что надъ нами есть Богъ, который насъ слышитъ и видитъ, и вѣсегда разбудитъ предъ Своимъ Престоломъ; тамъ отдашь ты отчетъ въ томъ, что лишилъ меня дома и матери, для которой я была послѣднимъ счастьемъ и утѣшеніемъ; въ томъ, что разрознилъ два сердца, которыя Богъ и люди благословили на будущій путь въ жизнь. Да! потому—что я люблю Гюго столько же, сколько онъ меня любить.

Вахтангъ. Опять Гюго! Опять ты повторяешь мнѣ это ненавистное имя; я безумствую, а ты еще увеличиваешь мое безуміе.

майко. Умоляю тебя, Вахтангъ, сжапись! Ты видишь—я въ твоихъ рукахъ, я беззащитна, я не буду говорить про Гюго, я не люблю Гюго, только, ради Бога, пусти меня къ моей матери:—она бѣдная стоскуется обо мнѣ—сложитъ въ могилу. Дай мнѣ хоть закрыть ей глаза! пусти меня!

Вахтангъ. А ты забыла, я умолялъ тебя точно такъ же, какъ ты меня умоляешь, Майко! говорилъ я, одинъ ласковой взглядъ, одно приветливое слово... я плакалъ предъ тобою, какъ ты предо мною теперь плачешь; ты сказала—нѣтъ! и я говорю—нѣтъ!

майко. Заклинаю именемъ всего, что для тебя дорого, священо, честью твоей матери, Вахтангъ отпусти меня!

вахтангъ. Майко! не проси меня!—что сдѣлано, того не переменить; молвія, упавшая на землю, не возвратится опять на небо; горный обвалъ, сорвавшійся съ вершинъ, не взойдетъ опять на гору. Я сказалъ, что ты будешь моею и—сдержу свое слово.

майко. О! нѣтъ, Вахтангъ! ты добръ, благороденъ, великодушенъ, ты не сдѣлаешь меня несчастною; и къ чему тебѣ мое несчастіе? Оно не принесетъ тебѣ ни одной минуты наслажденія; смотри, Вахтангъ, я у твоихъ ногъ, я обнимаю твои колѣна, пусть меня, я забуду всѣ горести, которыя ты причинилъ мнѣ и всей моей жизни будетъ мало, чтобъ молиться за тебя.

вахтангъ. Поздно, Майко, поздно!

майко. О! такъ выслушай меня, злой, безчувственный

человѣкъ! ты глухъ къ моимъ молениямъ, которыя пробилъ бы сводъ небесный, ты не видѣлъ моихъ слезъ, которыя растопили бы камень. Слушай же! я тебя ненавижу, обожаю Гюго и умру съ его пнелемъ на устахъ!

вахтангъ (*вынимаетъ кинжалъ*). Посмотри на этотъ кинжалъ—онъ широкъ—есть гдѣ улечься в пощадъ и жалости. Еще одно сопротивление и кровь твоя закрубится дымомъ на его булатъ. (*бросаетъ кинжалъ*).

майко. Кинжалъ! смерть!— О! она лучше позора! убей Вахтангъ! я умру охотно... убей!

Я В Л Е Н І Е II.

Тъ же и Леванъ.

леванъ. Вахтангъ, ты погибъ! Нѣтъ никакой надежды къ спасенію! О твоёмъ похищеніи дали знать въ городъ; окружной, въ сопровожденіи мѣстнаго начальства и Гюго, спѣшатъ сюда. Я опередилъ ихъ въсколькими мнутами.

(Майко бросается на колѣна и тихонько творитъ молитву. Вахтангъ стоитъ, какъ пораженный громомъ).

майко. Боже! защитникъ певанныхъ, благодарю тебя! твоя десница спасетъ меня, свроту!

вахтангъ. Опять преграда!

леванъ. Вахтангъ! быть можетъ, ты успеешь спастись... бѣги!

вахтангъ. Мнѣ бѣжать, Леванъ? какъ бы не такъ... пусть весь свѣтъ идетъ со мною на бой.—Что жъ? я готовъ, я выдержу битву; но Майко все-таки будетъ моею!

майко. Гюго! спѣши спасти Майко, свою невесту!

вахтангъ. Не радуйся, Майко! хоть женихъ твой спасетъ тебя, но я положу клеймо позора на твое имя! О! ты не знаешь, что значить месть для азіатца. — Слушай: меня обвинитъ законъ, я погибну въ заточеніи; но свѣтъ тебя отвергнетъ, позоръ пойдетъ на ряду съ тобою до самой могилы, да, и въ могилѣ кости твои вздрогнутъ не разъ отъ клеветы людской,

в, умирая, послѣдній вздохъ въ предсмертныхъ мукахъ сохнетъ съ именемъ Вахтанга, котораго ты отвергла!

Я В Л Е Н І Е Ш.

ТѢ ЖЕ, Окружный, Гнго, Кекела и Судья.

Кекела. Дочь моя, гдѣ ты! тебя хотѣли оторвать отъ моего сердца, дитя мое!

майко. Матушка!

окружный. Князь!

вахтангъ. Ни полслова! я виноватъ! знаю законы — они неумолимы, — берите меня, но я достигъ своей желанной цѣли: Майко, была моею! — Возмите се защитники невинности, она мнѣ болѣе не нужна.

майко. Онъ лжетъ! онъ лжетъ! не вѣрьте ему! онъ клеветаетъ на меня. (*Бросается къ Гнго*) Гнго! защити меня!

гнго. Прочь отъ меня, Майко! прочь отъ меня!

майко. Матушка!

кекела (*плачетъ*). Прочь отъ меня! Боже! зачѣмъ prolongишь ты жизнь мою? я увидѣла безчестіе моей дочери!

гнго. Не плачь, Кекела! ты лишилась дочери, но, къ утѣшенію, у тебя есть сынъ... Да, матушка, я замѣню тебѣ дочь... пойдемъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(*Внутренность дарбаза.*)

ЯВЛЕНІЕ I.

КЕКЕЛА (*сидитъ одна.*) Такъ суждено было мнѣ испить до дна всю чашу горестей! Для чего я дожидла до этого страшнаго дѣла? лучше бы могильный песокъ засыпалъ мои глаза, я не впала бы нашего несчастія! Старое сердце мое покоилось бы въ могилѣ и не рвалось бы отъ горя! Господи! прости мой ропотъ и да будетъ твоя святая воля! — Майко! бѣдная моя Майко, лучше бы ты умерла!

ЯВЛЕНІЕ II.

МАЙКО (*въ блюмѣ плати, съ распущенными волосами, съ книгой въ рукахъ, тихо подходитъ къ матери и смотритъ на нее.*) Полно, матушка! ты опять печальна, перестань грустить — видишь ли что? за-мянута, а такъ же грустила, да вотъ нашла книгу, почитала и мнѣ будто легче;—возьми, матушка, почитай ее,—славная книга,—тутъ написано.. что бишь тутъ написано.. не помню.

КЕКЕЛА (*плачетъ.*) О, Боже! дай силу и волю перенести все это!

МАЙКО. Ты плачешь, матушка, я знаю, о чемъ: прошедшую ночь мѣсяцъ мнѣ все рассказалъ. (*говоритъ шопотомъ*) Ты любила своего жениха и онъ любилъ тебя, свадьба ваша была

уже назначена; тебя увезъ какой-то злой человекъ и оклеветалъ, опозорилъ и твой женихъ отвергъ тебя... Стоять — ли грустить? я несчастливъ тебя, да не грущу. Если бы ты знала, что со мною было?

Птичкою прежде полъ небомъ я мчалась,

Какъ будто младенца душа!

Издали вашей землей любовалась,

Она такъ была хороша!

Вотъ меня къ вашей землѣ приманила

Любовь и тоска бытія!

Я опустилась и прямо въ могилу,

Въ могилѣ проснулась я.

Крылья легкія отпали,

Не летѣть ужъ къ вышнимъ!

И забилось для печали

Сердце новое во мнѣ.

Сжало душу жизни горе:

Къ небу бросила я взглядъ:

Надо мною, точно море,

Звѣзды свѣтлыя кипятъ.

На землѣ же все уныло...

Замерла душа моя

И изъ птички лѣгкокрылой

Стала женщиною я!

КЕКЕЛА. Майко! Майко!

майко. Майко!—что это такое? да, знаю... Майко—цвѣтокъ, подсолнечникъ... Не права ли, славный цвѣтокъ? Посмотри когда-нибудь по утру, только что выгланетъ солнце, отвѣдь подниметь головку, посмотреть на него, разцвѣтеть и повеселѣть; идетъ солнце, и онъ все поворачивается за нимъ, не сведетъ съ него взора, глядитъ на него пристально, точно будто невеста, и говоритъ: «царь мой! женихъ мой! радость моя! что ты такъ далеко ходишь? опустишь, не бойся! ты не сожжешь меня!» и цѣлый день ему только и радости, что слѣдить за своимъ далекимъ возлюбленнымъ. А вечеромъ, поглядя, уходить возлюбленный за горы—и цвѣтокъ—невеста опускаетъ головку, печалится и плачетъ росю — и росники, точно слезы, такъ и каплютъ на землю.

КЕКЕЛА. Дочь моя, послушай!

Т. III. Отд. I.

майко. Да не перерывай же меня, дай досказать. Ты не видела, тебѣ не жаль цвѣтка! А онъ, бѣдный, тоскуетъ, горько ему! пожалѣй его, матушка! А, ты и не помнишь... Въдь ужъ пора.

КЕКЕЛА. Куда?

майко. Куда? Неужели ты могла забыть, что сегодня моя свадьба, а я не одѣта еще; что если женихъ мой такъ же разсердится и какъ солнце улетѣть за облака? Что тогда мнѣ дѣлать? Не сердись, мой милый... Я сейчасъ буду готова, гдѣ же кушакъ? Гдѣ онъ, матушка, гдѣ мой кушакъ? Кто взялъ его? Вѣрно злые люди похитили его, чтобы насъ разлучить! Они злы, они завидуютъ моему счастью, хотятъ отнять у меня Гуго... Нѣтъ! нѣтъ! теперь поздно!... Гдѣ же кушакъ... кушакъ мой? А! вотъ и онъ. (*подходитъ къ зеркалу и смотрится*). Теперь я, кажется, совсѣмъ готова! Хороша ли я? Посмотри, матушка! Что это, ты моляшься. (*цѣлуетъ ее*). Добрая матушка, ты моляшься за мое счастье, ты благодарить Бога, что онъ благословилъ насъ? Не бойся за будущее, мы будемъ счастливы все, все, и я, и ты, и Гуго!... Гдѣ же Гуго?

Разтворились двери храма,
Свѣды клиросъ огласилъ,
Вьются струйки гимнама
Изъ золотыхъ паникадилъ.
Ужъ за насъ согласнымъ строимъ
Молягъ пѣвчіе Творца,
Свѣчи блещутъ предъ нами,
На налоѣ два вѣнца!..
О, спѣши соединеньемъ;
Наступаетъ сладкій часъ!
Милый другъ, за насъ моленье, —
Тѣ вѣнцы, мой другъ, для насъ.
Рядомъ мы станемъ съ тобой подъ вѣнцами,
Рядомъ пройдемъ путь земной!
Мы обречемся мыслью, сердцами,
Вмѣстѣ сольемся душой!
Поспѣши, мой другъ прекрасный!
Вотъ и вечеръ недалекъ;
Вотъ и мѣсяцъ тихій, ясный,
Выплываетъ на востокъ.
Тѣни стелются длиннѣе,

Вотъ и ночь ужъ настаетъ;
 Милый другъ, скорѣй, скорѣе..
 Ночь намъ счастье несетъ.

КЕКЕЛА. Счастье!

МАЙКО. Да еще какое счастье! Счастье, о которомъ я такъ долго мечтала, за которое боялась, которое составляло любимую мысль моего покойнаго отца. Вѣрно, матушка, Богъ услышалъ его молитвы и благословилъ насъ. Какъ родной радуется теперь въ своей могилѣ! (*сходитъ Гуго, Майко его не видитъ*). Да что же не идетъ женихъ мой? Долго ли его дожидаться?

КЕКЕЛА. Ты не дождешься его, бѣзная!

МАЙКО. Полно матушка—я не вѣрю тебѣ! (*тихо*). Ты не знаешь, какими страшными клятвами онъ мнѣ клялся. (*оборачивается и видитъ Гуго*). Кто это? (*подходитъ къ нему*). А, добрый человекъ! ты вѣрно пришелъ отъ моего жениха... за мною; благодарю тебя.

Гуго. Она не узнаетъ меня! Майко! Неужели я сталъ тебѣ такъ чуждъ! Неужели ты не найдешь въ душѣ своей ни одной мысли, ни одного чувства, ни одного воспоминашя для меня? О! узнай меня! я твой женихъ! я — твой Гуго!

МАЙКО (*смотря на него*). Ты... ты мой женихъ?.. Ты Гуго?.. Ха, ха, ха! вѣрно все сговорились, чтобы свести меня съ ума! Поди прочь отъ меня! Ты—Гуго! Ты.. Мой Гуго такъ хорошъ: глаза его звѣзды; а твои страшилы, какъ блудящій огонь надъ могилой; у Гуго на головѣ выются кудри, а у тебя змѣи швипятъ въ волосахъ.. Поди прочь отъ меня! Въ—самомъ—дѣлѣ, какой я ребенокъ, меня нарочно пугаютъ а я всему вѣрю—какъ я легковѣрна!.. Ха, ха, ха! (*начинаетъ хохотать; потомъ смѣхъ ея переходитъ въ рыданія*). А онъ все неидетъ? А! какъ здѣсь больно, Гуго! Гуго! Матушка! что такое? умеръ онъ? побѣги въ церковь, посмотри, не ставятъ ли тамъ гробъ, вмѣсто валя? Не смерть ли это матушка?..

Видяшь, страшно горять
 Свѣчи въ тусклыхъ лучахъ;
 Слышишь, хоромъ гласять
 Миръ усопшимъ въ гробахъ.
 Слышишь... молотъ стучить

Надъ доской гробовой
 Слышишь... Застушь гремитъ
 Надъ могилой сырой...
 Все погасло, все затмилось...
 Гробъ изъ церкви понесли;
 Совершилось! Совершилось!
 О! какъ пусто на землѣ.

ггго. Майко, услышь меня, пойми меня! другъ мой! моя возлюбленная невеста! *(беретъ ее за руку)*.

майко. Оставь меня... умерь, умерь! ты не можешь помочь мнѣ, не можешь воскресить моего жениха, онъ умеръ, умеръ!.. О, матушка, отогрѣй мое сердце на груди своей, оно стынетъ, матушка! матушка! *(Съ воплемъ бросается въ объятія Кекелы. Они уходятъ)*.

ггго. Я такъ любилъ ее, и она могла предаться этому Вахтангу! Къ чему же служить любовь, когда всю мою душу, преданную ей безгранично, она промѣняла... О, нѣтъ!.. но что, если этотъ князь оклеветалъ ее, я долженъ увѣрится, я отыщу его, будь онъ на днѣ моря, я вырву правду изъ его души, хотя бы для этого нужно было вырвать жизнь изъ его тѣла. Я все узнаю. *(Убѣгаетъ)*.

ПЕРЕМѢНА ДЕКораціИ.

(Театръ представляетъ комнату суда; направо отъ зрителей столъ съ бумагами, за которыми сидитъ секретарь, нѣсколько чиновниковъ окружаютъ секретаря).

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕКРЕТАРЬ *(смотритъ на часы)*. Скоро 12 часовъ; присутствіе назначено въ часъ; окружійіе не заставитъ себя дожидаться.

чиновникъ. Не время ли послать за подсудимымъ?

СЕКРЕТАРЬ. Да, потрудитесь распорядиться. *(чиновникъ уходитъ. Адвокатъ подноситъ бумагу секретарю)*.

адвокатъ. Вотъ показанія, которыя отобраны еще вчера. Вахтангъ во всемъ сознается.

СЕКРЕТАРЬ. Сознается? О, лучше было бы, еслибъ овъ отпирался.

адвокатъ. Почему?

СЕКРЕТАРЬ. Какъ до-спѣхъ-поръ вы не понимаете, въ чемъ дѣло? Два года живете въ Грузіи—и не присмотритесь къ народу, за котораго вы ходатайствуете?

адвокатъ. Моя обязанность—порядокъ службы, вы знаете—пельзя же...

СЕКРЕТАРЬ. Оно такъ, да развѣ вы не знаете, что между азіатцами, судятся для женщинъ уже болѣе, чѣмъ пятно п поношеніе. Вы не помогли вашей кліенткѣ, а погубили ее.

адвокатъ. Чемъ же?

СЕКРЕТАРЬ. Развѣ вы не могли устроить, чтобы Вахтангъ

сознался, что онъ оклеветалъ ее: нѣтъ ли ередствъ, чтобы онъ перемѣнилъ свои показанія?

АДВОКАТЪ. Никакихъ! Вахтангъ твердо стоитъ въ своемъ показаніи; всѣ мои убѣжденія были напрасны.

СЕКРЕТАРЬ, (*обращаясь къ чиновникамъ*). А васъ прошу, займитесь дѣломъ, — и внесите его въ журналъ. Пойдемте г. стряпчій справиться въ архивъ на счетъ того дѣла, о которомъ вы говорили. Мы усѣдемъ еще, есть время. (*уходятъ*).

Я В Л Е Н І Е II.

Вахтангъ, (*входитъ медленно и становится на лѣвую сторону отъ зрителей. Часовые становятся въ дверяхъ*).

Вотъ я въ судящизъ; вотъ я дошелъ до послѣдней версты моего пути. К чему теперь жалѣть и оглядываться назадъ? Путь конченъ; здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, осудятъ меня, прочитаютъ приговоръ... А Майко... Ей цѣлый свѣтъ прочитаетъ другой приговоръ—приговоръ позора, который еще ужаснѣе моего. Она отвергла мою любовь, — такъ пусть до гроба будетъ носиться около нея страшная тѣнь Вахтанга, отравлять каждую минуту ея существованія, леденить ея надежды и радость, и когда настанетъ часъ умирать, — тѣнь моя станетъ между нею и вѣчностью, проговоритъ ей слова позора и безчестія и предъ могилой спроситъ: «Что, Майко? Умѣлъ ли Вахтангъ отмстить за свою отверженную любовь?»

Я В Л Е Н І Е III.

Гыгѣ, Вахтангъ.

Гыгѣ. Вахтангъ!

Вахтангъ. Что тебѣ надобно?

Гыгѣ. Я поклялся прахомъ моего отца и гробомъ матери

потребовать у тебя отчета, за чѣмъ ты оклеветалъ Майко?.. Да, ты оклеветалъ ее—я это знаю, Вахтангъ. Я поклялся вырвать у тебя признаніе, хотя бы для этого надо было вырвать твое сердце!

вахтангъ. Меня сейчасъ будутъ судить, и я подвергнусь наказанію, которое мнѣ назначатъ.

гиго. Наказанію, которое назначаютъ клеветникамъ.

вахтангъ. Не клеветникамъ: я сказалъ правду.

гиго. Это не правда! этого быть не можетъ!

вахтангъ. Подожди нѣсколько минутъ и ты услышишь, какъ, въ присутствіи всѣхъ людей, я повторю тоже самое и скажу, что твоя невеста была моею любовницею.

гиго. Ты лжешь, Вахтангъ! Не знаю какой демонъ внушилъ тебѣ адскую мысль опозорить имя Майко, но знаю только то, что она невинна.

вахтангъ. Ты это знаешь, к чему же спрашивать? останься при своей увѣренности.

гиго. Да, я увѣренъ, что она невинна.

вахтангъ. Вѣрь ей! вѣрь! она не обманетъ тебя! — Женщины необманчивы, какъ поверхность моря; да и какъ не вѣрить? — Вѣдь я вѣрилъ ей, когда прильнувъ къ моей груди и цѣлуя меня, она говорила: я люблю тебя, Вахтангъ, я твоя!

гиго. Замолчи, Вахтангъ, если не хочешь прежде твоего осужденія, подвергнуться другому суду; суду оскорбленнаго и мстящаго жениха!

вахтангъ. Что же? ты только займешь мое мѣсто. Впрочемъ, если это можетъ помочь Майко,—ты напрасно медлишь.

гиго. Выслушай меня, Вахтангъ! если бы я сказалъ тебѣ: «Князь! я прощаю тебѣ всѣ мои несчастія и умоляю объ одномъ: вспомни, что у тебя былъ отецъ, была мать, которыхъ ты, можетъ быть, любилъ; заклинаю тебя ихъ прахомъ, скажи, что Майко невинна, и я каждый день буду ходить молиться на ихъ могилу. Вахтангъ! что ты отвѣтилъ бы мнѣ?»

вахтангъ. Я отвѣтилъ бы тебѣ вотъ что: добрый человекъ благодарю тебя за уваженіе и любовь къ праху моихъ родныхъ: но—Майко была моею.

гиго. Если бы я упалъ предъ тобою на колѣна, обливалъ слезами твои ноги, просилъ бы тебя: сжапись надо мною, Вах-

тангъ, ты дѣл меня все въ эту минуту, ты моя судьба, которая или можетъ спасти или погубить меня... я тебя не считалъ зла и тебя нѣтъ причины желать моеи погибели; спаси; спаси меня и эту бѣдную старуху мать, которая плачетъ. уже не слезами, а кровью! Сжался надъ нею, если не хочешь сжалиться надо мною. увѣрь, что дочь ея невинна; она сама готова на колѣнахъ молить тебя!.. Что сказалъ бы ты ей?

вахтангъ. Я сказалъ бы;—встань, старуха! слезы и рыданія не помогутъ: дочь твоя была моею!

Гуго. Знаешь ли ты, Вахтангъ, что я любилъ Майко больше жизни, больше, души своей?

вахтангъ (*сильно*). А я? развѣ я не любилъ ее? ты ребенокъ, Гуго! ты—дитя, и осмѣливашься сравнивать свою любовь съ моею. Я любилъ Майко больше, нежели ты! гдѣ доказательство твоей любви, увѣренія, слезы, мольбы? — Вѣдь это все только слова, которые улетаютъ, какъ вѣтеръ; — а посмотри на меня—видишь—я лишень свободы, я задержанъ: посмотри сюда! (*показывая на часовыхъ*) эти люди поставлены смотрѣть за мною, какъ за преступникомъ!—Ты свободенъ, ты платишь за любовь свою слезами: у меня онѣ не текутъ, а каплями падаютъ на сердце,—ты погрустишь, перестанешь—и потомъ новая любовь займетъ тебя, а я плачу за любовь ея тяжкимъ покаянiемъ! Кто же больше любитъ ее? Ты, который грозись убить меня, или я, который уже убилъ? не смертью, потому что смерть легка, и всякій долженъ умереть! ты умрешь, о тебя пожалеютъ и тебя оправдаютъ,—я умру и надъ могилкой моеи раздастся голосъ осужденія! — Гуго, принеси же такой дорогой выкупъ, принеси жертву больше моеи; и я скажу, что ты любишь ее больше, нежели я!

Гуго. Но она тебя не любитъ.

вахтангъ. Спроси у нея, что она чувствовала, когда, припавъ къ моеи груди, говорила: я люблю тебя, Вахтангъ!

Гуго. Клеветникъ! лжець! (*хочетъ броситься*).

(*Слышенъ за дверью голосъ*).

Окружный пріѣхалъ.

Я В Л Е Н І Е І V.

ПРЕЖНІЕ, ОКРУЖНЫЙ, СЕКРЕТАРЬ, АДВОКАТЪ.

ОКРУЖНЫЙ, (*сидясь на свое мѣсто*). Что, послали за Майкой?

СЕКРЕТАРЬ. Она сейчасъ будетъ.

ОКРУЖНЫЙ (*Вахтангу*). Не вмѣсте ли вы сказать что-нибудь въ свое оправданіе?

ВАХТАНГЪ. Ничего, кромѣ того, что Майко была моею любовницею!

Я В Л Е Н І Е V.

ПРЕЖНІЕ, КЕКЕЛА, МАЙКО (*останавливается по срединѣ сцены*).

ОКРУЖНЫЙ. Знаете ли вы этого человека?

МАЙКО, (*смотритъ на Вахтана и бросается къ нему*). Гяго! женихъ мой! радость моя! наконецъ, яшла тебѣ! поцѣлуй меня!—Да что же ты не цѣлуешь свою невесту, свою Майко!

ВАХТАНГЪ. Великій Боже! она сошла съ ума!

МАЙКО (*беретъ его за руку*). Слышшь, народъ шумитъ, онъ радуется нашей свадьбѣ; видѣшь, какъ свѣтло: въ это церковь освѣтили, насъ ждетъ тамъ батюшка; онъ нарочно вышелъ изъ могилы, чтобъ благословить насъ; въ онъ любитъ тебя, какъ сына... Что ты медлишь? бѣжимъ! бѣжимъ!

ВАХТАНГЪ. О! какъ тяжело, — сердце обливается кровью!

МАЙКО (*обращаясь къ судьямъ*). Добрые люди! уговорите его, въдъ я много страдала; я думала, что сойду съ ума, что я не переживу разлуки съ нимъ. Наконецъ, яшла его, я люблю его, а онъ—холодепъ, какъ могила.

ОКРУЖНЫЙ. Господа! Судьею этого дѣла можетъ быть только Богъ, — законамъ остается одно—строго наказать преступника; онъ хуже обыкновеннаго убійцы! Онъ убилъ не тѣло, а душу: Майко сошла съ ума!

ВАХТАНГЪ. Да, я подвергнусь наказанію; но, напередъ, я долженъ сказать вамъ: я отмылся за себя... я хотѣлъ разрушить ея счастье съ Гяго, потому-что меня убивала мысль—вильтъ се

въ объятіяхъ другаго, я хотѣлъ, чтобъ позоръ легъ между нами пропастью и перегородилъ имъ путь къ соединенію! Но, видѣть Богъ, я не хотѣлъ лишитъ ея ума, я не хотѣлъ убить ея душу. (*Смотритъ на Майко*) Безумная еще жива, но уже мертва для міра, для матери, для всѣхъ, навсегда. Знайте же, что я оклеветалъ ее! она невинна!

оКРУЖНЫЙ. Князь! посмотри на нее! страшень будетъ отчетъ... *тамъ!*

вахтангъ. Какъ бы страшень онъ ни былъ, но жизнь для меня еще страшвѣе! Вѣдь, какъ гробовой призракъ, будетъ преслѣдовать меня безумная Майко; ночью она не отойдетъ отъ моего изголовья, голосъ ея будетъ безпрестанно разрывать мою душу! Майко! оставь меня!

майко (*бросается на шею и обвиваетъ Вахтанга*). Нѣтъ! теперь никто неразлучитъ меня съ тобою!

вахтангъ. Я не прошу у тебя прощенія, Майко! потому-что я недостопнъ его. Но, умоляю тебя только объ одномъ: когда предъ престоломъ Бога ты явишься моею обвинительницею, явись съ упреками, съ грознымъ взоромъ, будь неумолима, но не являйся въ этомъ видѣ безумія.

гиго (*подходитъ къ Майко*). Майко! прости, что я смѣлъ усумниться хоть на минуту въ твоей невинности!

майко. Поди прочь отъ меня! ты пришелъ опять на меня клеветать.

гиго (*Вахтангу*). О, будь же ты проклятъ!

вахтангъ (*выхватываетъ кинжалъ у Гиго*). Не проклинай мертвеца! (*закалывается*).... Мертвыхъ не судятъ живые, для нихъ есть другой судъ — *тамъ!*

майко (*увидѣвъ кровь, вскрикиваетъ*). Что это?.. Кровь! — гдѣ я? — что со мною! Вахтангъ. Гиго! Гиго! — (*Смотритъ на Гиго, узнаетъ его и бросается къ нему въ объятія.* — *Картина*).

К О Н Е Ц Ъ .